

Вадим Рубинчик

ВРАЧА ВЫЗЫВАЛИ?

Вадим Рубинчик

Врача вызывали?

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11793264
Врача вызывали? – / В. Рубинчик: Э.РА; Москва; 2014
ISBN 978-5-00039-066-5

Аннотация

Книга Вадима Рубинчика написана легким, живым языком и будет интересна широкому кругу читателей. Юмор, жизненный опыт, любовь к людям, – вот что отличает его талантливую книгу. Думается, что Вадим Рубинчик – один из самых интересных прозаиков русскоязычного Израиля.

Содержание

Об авторе «Врача вызывали?»	4
Вступление	7
За знакомство!	8
Пуля – дура...	20
Лифчик из Берлина	33
Malum discordiae (яблоко раздора, лат.)	45
Прелесть английского	49
«Не корысти ради, в токмо волею пославшей мя жены...»	58
Лотерейный билет по физике	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Вадим Рубинчик Врача вызывали?

Об авторе «Врача вызывали?»»

Хоть и не вызывали – он уже здесь. Возле вас. Прочтёте эту книгу – он останется. С вами. Нет, возможны, безусловно, варианты. Но факты бездумного отторжения не испортят общей статистики убедительного выздоровления. Как известно, побеждает болезнь только тот, кто хочет этого сам.

Так вот, врач – Вадим Рубинчик. Я знаю его лет двадцать. Первые из них пришлись на 80-е. Советская Белоруссия – ещё та держава, впрочем, постсоветская Беларусь – тоже... Но я не про государство, я – про родину... Прошло время, и я теперь по-прежнему здесь, а Вадим наконец-то там. И мы уже хорошо знаем, что социализм – не у меня, а у него. Но мы ещё поговорим про социализм с советским нечеловеческим лицом...

А сейчас – снова про автора. Он не только дипломированный врач. График, скульптор, поэт. Чем ты удивишь завтра, Вадим? Знаю, ты всю жизнь собирал у пациентов анализы для своей «Истории болезни».

Ставил диагнозы и писал, писал рецепты. Так появилась книга с целительным эффектом.

Вы спросите меня: от чего лечиться будем? И я отвечаю: от равнодушия. Лечить подобное, заметил классик, следует подобным. Но у нас не тот случай. И врачебная ошибка исключается категорически. Вадим Рубинчик лечит равнодушие ностальгией. Не сентиментальным размазыванием соплей (извините) и слёз по безвозвратно утерянному сонно-спокойному брежневскому застою, который продолжил превращение народа в толпу... Но оставались инакослышащие, инаковидящие. Такие были всегда. Вадим Ильич – из их числа.

И лечит он радостью. Да, ностальгия – чувство радостное. Главное, дозировку не нарушить. В «Истории болезни» – всё в пропорции. Когда я читал эту книжку, то плакал (ещё раз извините) и смеялся. Смеялся больше. И радость эта (как врач и прописал) похожа была на «Советское шампанское», на весенний погожий день, пахла первыми новыми джинсами за 200 рублей. А ещё – духами любимой (французскими, купленными на всю мою зарплату в 125 рублей и по огромному благу), сигаретным дымом «Орбиты», ароматом креплёного вина «Агдам» и фарцовым виниловым диском Deep Purple... Да мало ли чем пахнет молодость!

Да, ностальгия – радостное чувство. Ещё один классик изрёк: «Печаль моя светла». И попал в точку. Свет – лечит. А для нас он исходит из 80-х. Да, из застойных 80-х. Но времена, как известно, не выбирают... Именно тогда мы дружили запоем, любили без оглядки, заново открывали мир, не слу-

шали советов, протестовали против всего, учились, меняя общаги, пели, стараясь не фальшивить, доказывали и ошибались, ошибались, но всегда хотели идти вперёд. И всё это пробовали впервые. Мы ещё не знали, что делаем историю, а она – нас... Книга – именно про это. «История болезни» – не столько возврат в 80-е, сколько переосмысление того, что мы успели сделать, а что ещё надо успеть. В Любви, Дружбе, Согласии... Большая история слагается из маленьких. А болезнь, иссушающая и нивелирующая, одна на всех – равнодушие. Когда душа равна нулю.

Так давайте, ребята, плюсовать: от нуля – и до бесконечности. Когда плюсуешь, равнодушие отступает перед жизнью, радостной и полноценной, где нет места предательству... А жизнь – единственная болезнь, не требующая излечения, которая со временем и так проходит...

Ваше здоровье, друзья!

Евгений РАГИН из Минска.

Друг, журналист, когдашый ценитель «Агдама» и всегдашый любитель бесшабашной жизни

Вступление

Минск – город моей пролетевшей, как волшебная птица, юности... Да что там юность... Жизнь мчится с бешеной скоростью. Однако останавливаться нельзя... Ибо остановка означает смерть. Однако я зачем-то постоянно оборачиваюсь, хочу ещё раз взглянуть на прошлое, ещё совсем недавно бывшее настоящим. Ах, как порою до чёртиков хочется вновь пережить те года, что мелькнули весёлой минутой. Снова шалить и творить бесконечные глупости...

Наверное, я просто скучаю по ушедшему времени, когда все мечты, самые дерзкие и невероятные, казались возможными. Эта книга – легкокрылый полёт к себе самому в то время, где уже никто не живёт... Друзья повзрослели и стали другими... Минск... Люблю ли я его?.. Конечно же... Но не этот современный выросший в два раза город, а тот, в котором когда-то жил я... С толкучкой в транспорте, с бесконечными очередями, с дезодорантами, которые легко конкурировали с репеллентами. Со всей этой нудной и отупляющей промывкой мозгов... Но ведь это был просто фон для того захватывающего спектакля, который мы называем – Жизнь...

За знакомство!

У Валеры – двойной праздник. Во-первых, он поступил в мединститут, во-вторых, получил комнату в общежитии. Причём «во-вторых» радовало его даже больше, чем «во-первых». Дело в том, что парень вырос под суровым родительским, а точнее – материнским, контролем. Отец полностью доверял супруге и в воспитательном процессе, прямо скажем, принимал пассивное участие. То есть он реально существовал, даже время от времени спрашивал, как дела, но основная тяжесть воспитания легла на плечи матери. Когда маленький Валерка появился на свет, ему сразу же было объявлено: «Во избежание всевозможных несчастных случаев и непредвиденных ситуаций всё запрещено категорическим образом навеки вечные. Просто на всякий пожарный случай».

Слава богу, парень вовремя сориентировался, неожиданно обнаружил, что не у всех сверстников установлен строгий тюремный режим, и стал готовить побег. Валера старательно штудировал школьную программу, хотя знал, что в реальной жизни ему пригодится максимум одна сотая из полученных знаний. Он специально спрашивал у взрослых, что они помнят из грамматики русского языка. Начал с соседей. Основная масса твёрдо знала, что «не» пишется с глаголами отдельно. Некоторые помнили, что «жи» и «ши» пишутся через «и». Однако на вопрос, что такое деепричастный обо-

рот, тётя Таня не ответила и вдруг зашпешила на работу. А тётя Люда просто впала в ступор. И только дядя Вася честно сказал: «А хер его знает...» Потом подумал и спросил: «На фиг тебе это надо?» С химией, физикой и алгеброй дело обстояло и того хуже. Взрослые, только услышав вопрос, разбегались, как ночные тараканы от неожиданно включенного света. Единственным, кто давал хоть какой-то ответ, оставался дядя Вася. Он никуда не убегал. Потому что, как правило, всегда был слегка пьян, плюс хромота, ещё с войны. Разнообразием ответов он, правда, тоже не баловал. «Хер его знает...» – вот стандартное умозаключение с небольшими вариациями, не вполне подходящими для цитирования в печати. Все опрошенные, без малейшего исключения, являлись уважаемыми людьми. Следует отметить: несмотря на тотальную амнезию, они жили полноценной жизнью и даже наслаждались ею. Сам собой напрашивался нехитрый вывод: детей посылают в школу, чтобы по улицам не шлялись. А уроки задают, чтобы дома ерундой не занимались. Сами же знания практической ценности не имеют и используются как отвлекающий маневр. Короче, кто знает, поступал бы Валера в институт или нет, однако жизнь в общежитии в силу географического положения полностью исключала возможность жёсткой материнской любви и являла собой символ заветной свободы, вседозволенности и счастья. Это и явилось основным фактором в решении получить высшее образование.

Соседом по комнате оказался здоровый спортивный парень со спокойным, невозмутимым, как у индейца, лицом.

– Зеленцов. Зеленцов Сергей, – сказал тот и протянул твёрдую, как доска, ладонь.

Валера представился и сказал:

– Расскажи про себя, а потом я. Ну, чтобы знать «who is who»...

Сергей на мгновение задумался:

– Школа, медучилище, ВДВ, ПО (подготовительное отделение) – всё...

Валера засмеялся.

– Ну, брат, ты, я вижу, большой любитель поболтать! Если краткость – сестра таланта, ты – просто гений-самородок! Ну что ж, я принимаю вызов! Вот моя биография – школа!

Сергей улыбнулся, слегка пожал плечами и сказал:

– А чего говорить... Поживём – увидим.

На том и порешили. Ребята разложили немногочисленные вещи и пошли в магазин за продуктами. Современная девятиэтажная общага одиноко стояла посреди абсолютно голого поля, словно заброшенный маяк. Она производила довольно странное впечатление, совершенно не вписываясь в общий пейзаж минского пригорода. До гастронома было километра три минимум. Ребята шли, общались, и время летело незаметно. Говорил по большей части Валерка, да так эмоционально и искренне, что в итоге Сергей тоже разговорился.

Когда проходили мимо винно-водочного отдела, Валера

предложил:

– Ну что, Серёга, возьмём бутылочку – за знакомство?

Но тот ответил, не задумываясь:

– Алкоголь – яд. И вообще, я сюда учиться приехал.

Валера удивился, но виду не подал. Ребята молча вышли из магазина, разговор не клеился. Валера шёл и думал, что бутылочка винца никак не помешала бы. Посидели бы, поговорили. Первый день – уроков пока не задали... А Серый чувствовал себя неловко. Он поймал себя на мысли, что ему нравится общаться с этим шустрым хлопцем. Несмотря на внешнюю легкомысленность, тот прочёл гораздо больше Серого и вообще мыслит не по возрасту самостоятельно. Смеркалось, и ребята не заметили, как путь им преградили четыре парня. Лет по восемнадцать каждому, не больше. Они стали так, что обойти их было невозможно. Коренастый крепкий хлопец одет в ветровку нараспашку, из-под которой виднелась тельняшка десантника. Он дерзко посмотрел на Серого и выдал ритуальную фразу: «Закурить не найдётся?» Сергей не ответил. Он прекрасно знал, чем закончится эта дружеская беседа. Однако не боялся. Просто не хотел начинать первым и терпеливо ждал, когда парни начнут махать кулаками. Если дело дойдёт до милиции, всё будет выглядеть как самозащита. Но Валера тем временем вышел вперёд и как бы между прочим поинтересовался:

– Десантура?

Парень замялся. Судя по возрасту, он ещё не служил в

армии вообще. И хлопцу, ясное дело, польстило, что кто-то принял его за бывалого армейца. Однако соврать не мог – неудобно перед друзьями.

– Ты где служил? – словно не замечая замешательства, настаивал Валерка.

– Да не-е... Это братана тельник... – неохотно сказал любитель покурить на халяву.

– Не горюй, ещё послужишь... – утешил Валерка. И парень, совершенно забыв, с чего начался разговор, вдруг разоткровенничался и рассказал, что троих его друзей призывают ровно через месяц. Причём всех в одну пехотную часть. А он будет служить один. И во флоте. Он ничего не имеет против, у него, можно сказать, морская душа... Но три года – это же срок. Валера, естественно, согласился. Сергей стоял, слушал и ничего не понимал. Пять минут назад эти хлопцы хотели драться, а теперь делятся планами и сомнениями... Тут новый знакомый протянул руку и сказал:

– Меня Михась зовут. Если тут, на Юго-Западе, какая непонятка – скажи, что ты мой кореш. Проблем не будет.

– А я Бродяга, – сказал Валера. – Мне везде хорошо...

– Заметно, – засмеялся Михась.

Ребята расстались если не друзьями, то добрыми приятелями. Некоторое время Сергей и Валера шли молча. Вдруг Сергей сказал:

– Пожалуй, давай вернёмся – винца возьмём.

– Так алкоголь же яд! – с притворным ужасом в голосе

воскликнул Валера. – И вообще я сюда учиться приехал, – серьёзно добавил он, передразнивая нового друга. Сергей рассмеялся:

– Один ноль в твою пользу.

... Волшебный аромат яичницы, домашней колбаски и жареного лука наполнил маленькую студенческую комнату. Валера разлил «Агдам» в большие чайные кружки и сказал:

– За знакомство!

Выпили, и Серый спросил:

– Скажи, вот ты попёр на него с открытым забралом. Ну, дистанцию сократил до нуля, руки вниз... А если бы он тебе по челюсти въехал?

Бродяга пожал плечами:

– Риск, конечно, есть. Но небольшой. Я этот сорт людей знаю. Главное, вовремя сбить с толку, переключить на другую волну.

Сергей удивлённо поднял брови:

– Ты что, всех людей по сортам расписал?

Валера засмеялся:

– Нет... Ещё не всех, но стараюсь...

– А зачем?

– Так интересно же, – удивился Валера. – Представь, встречаешь человека и видишь: такой уже есть в коллекции. Ты уже знаешь, как он заводится и как им пользоваться.

– Ты пользуешься... людьми? – спросил Сергей. В его голосе явно звучало осуждение.

Валера налил вина и сказал:

– Конечно. Вот и сегодня воспользовался.

– Что-то здесь не так, что-то мне не душе... – неуверенно сказал Сергей.

– Тебе мешают ограниченные представления о жизни, – самоуверенно заявил Бродяга. – Очевидно, слово «пользоваться» настораживает и напрягает. Ты думаешь, что пользоваться людьми не красиво, не порядочно? Верно?

Сергей кивнул.

– Но ведь пользоваться можно и хрустальной вазой – осторожно и бережно, не так ли? Ты наверняка имеешь в виду, что я использую людей в личных целях?

Сергей снова кивнул, – Ну, так вот – не использую. Манипулирую только в порядке самообороны от дураков и прочей агрессивной братвы.

Сергей помолчал и спросил:

– Я чисто теоретически интересуюсь – а смог бы?

– Конечно! – не задумываясь, ответил Валера.

– Так почему же ты не...?

– Так не порядочно... – не дал договорить Валерка.

– Но соблазн большой? – спросил Сергей.

– Не-а... Так, пошалить, подёргать немного за ниточки...

Но не более того, – беспечно сказал Бродяга. – У меня, как у настоящего самурая, есть кодекс чести.

Сергей не совсем понял, где кончается шутка, а где Валера говорит серьёзно. Но вопрос был принципиальный, и Сергей

не отставал:

– Но соблазн большой?

Валера внимательно посмотрел на нового друга.

– Скажи, ты тех хлопцев мог бы вырубить за шесть секунд, правда?

– Не вопрос, – ответил Сергей.

– Трудно было удержаться? – спросил Валерка.

– Да нет... Зачем мне это? – удивился Серый.

– То есть тебе никому ничего доказывать не надо. Ты и так уверен в своей силе?

– Понятно... А ты – в своей! – догадался Сергей. – Ну, тогда другое дело. А то я уж думал, ошибся в тебе...

– Не ошибся... Не ошибся, – засмеялся Валера и посмотрел на пустой фаустпатрон (бутылка вина 750 мл).

Вино закончилось незаметно. Было уже довольно поздно, но Серый решил продолжить разговор. Это было на него не похоже.

– А знаешь, ты рассуждаешь, как человек гораздо более взрослый... Откуда у тебя это?..

– Мудрость, что ли? – скромно подсказал Валера.

– Ну, мудрость, не мудрость, – засмеялся Сергей. – Но знание людей...

– Трудное детство, – задумался Бродяга. – Нет, неверно... Достаточно обыкновенное детство. Однако я был очень чувствительный и ранимый хлопчик. Жить было больно. Поэтому очень рано стал задумываться о жизни... Каждый день

думал... Давай лучше я про тебя расскажу.

Сергей понял, что Валера не хочет вдаваться в подробности. Оно и понятно – всё-таки первое знакомство...

– Ну, расскажи, – не скрывая любопытства, сказал он.

– Ты человек, военный по духу. Любишь определённую работу, в отношениях... Чтоб всё было расписано от «а» до «я». Люди у тебя тоже либо хорошие, либо плохие – без вариантов. Цели ясны и столбы помечены. Но... Но! В душе ты – романтик. Тебе скучно от собственных планов. Тем не менее все люди кругом живут также, и по-другому ты просто не умеешь. – Валера задумался на мгновение, но вскоре продолжил. – Иногда ты просто не понимаешь, зачем тебе всё это надо... Я бы сказал, ты – гусар. Вот и усы у тебя, как у Дениса Давыдова. Чистый Поручик.

Сергей удивился столь точному и, главное, быстрому диагнозу своего внутреннего конфликта. Он всегда знал о нём, но не придавал особого значения. Неужели так заметно, подумал он, но спросить постеснялся и, стараясь перевести разговор на другую тему, сказал:

– Почему именно Поручик?

– Просто я других гусарских званий не знаю, – засмеялся Валера.

Несмотря на то что всю жизнь Сергей был против кличек, ему неожиданно понравилось. Он на мгновение представил, как он верхом на лихом вороном коне с саблей наголо скачет впереди эскадрона... Улыбнулся и сказал:

– Ну, Поручик так Поручик... Так Сергей Зеленцов с лёгкой руки Валерки стал Поручиком...

Через пару недель в перерыве между лекциями Сергей подошёл к Бродяге и озабоченно сказал:

– Я тут краем уха слышал – нам третьего подселить хотят.

– Хорошего мало. Больше народу – меньше кислорода, ясный пень. А кого?

– В том-то и дело, что неизвестно. Есть тут пара ребят, что живут рядом с Минском и выбивают себе общагу. Давай выберем сами, а то навяжут какого-нибудь дятла...

– За кого мы говорим? – поинтересовался Валера.

– Есть тут одна кандидатура, – уклончиво сказал Поручик. – Со мной в группе учится – Толян... Может, знаешь?

– Немного... Поёт хорошо. Нормальный хлопец, немножко инфантильный, правда, – высказал своё мнение Бродяга.

– Он ещё боксом занимался, – сказал в защиту потенциального соседа Поручик.

Валера понял, что друг уже сделал выбор и просто в силу своей деликатности хочет, чтобы принятие решения выглядело совместным.

– Ну-у, раз боксом занимался... Тогда без вопросов. Он сразу станет почётным членом нашего клуба.

Поручик засмеялся, и было видно невооружённым взглядом: он рад, что всё сложилось так просто.

Сергей сразу замахал руками Толику. Тот энергично закивал в ответ – дескать, понял – и энергично сжал кулак на

уровне груди. Бродяга отследил взгляд и воскликнул:

– Ну, баламут! Чего было сразу не сказать... К чему эти игры в демократию?..

Вечером ребята ещё раз выпили за знакомство, которому суждено было стать настоящей дружбой... Толик достал гитару и запел:

Во французской стороне,
На чужой планете,
Предстоит учиться мне
В университете.
До чего тоскую я,
Не сказать словами.
Плачьте ж, милые друзья,
Горькими слезами.
На прощание пожмём
Мы друг другу руки,
И покинет отчий дом
Мученик науки...

В душе, словно чудесные цветы, расцветали всевозможные надежды. Они были совершенно неопределённые и абсолютно не конкретные. Скорее всего, это было просто смутное предвкушение счастья... А каким оно будет... Кто знает? То, что его может просто не быть, – такой вариант даже не рассматривался. Юность... Наивная до глупости, счастливая

до идиотизма... и прекрасная в своей неповторимости...

Пуля – дура...

- У меня жена как пуля!*
- Что, такая быстрая?*
- Да нет, такая же дур-ра!*

Анекдот с бородой

Бродяга сидел на лекции по истории КПСС и откровенно скучал. Он и так знал, что Ленин живее всех живых, что марксистско-ленинская теория непременно победит, потому как она единственно правильная. А почему она правильная, в те далёкие доперестроечные времена никто ещё не задумывался. Лектор искренне старался привлечь внимание неблагодарной публики. Он постоянно двигался, шутил, рассказывал очень поучительные случаи из жизни классиков марксизма-ленинизма и даже из своей собственной. Настоящий массовик-затейник. Впереди сидящие студенты сосредоточенно конспектировали лекцию слово в слово, не отвлекаясь ни на минуту. И лишь изредка перебивали оратора просьбой диктовать помедленнее. Позади Валеры расположились трое девчат – они постоянно шушукались и хихикали. Очевидно, это были очень умные девочки. Потому как не придавали всей этой истории ни малейшего значения. Через некоторое время одна из них, Жанка, протянула бумажку, сложенную вчетверо и подписанную «для Миши». Бродяга уже хотел передать её дальше, но девушка, с большим трудом сдерживая

смех, громко прошептала: «Прочти!» Валера удивлённо посмотрел на неё, как бы желая убедиться, что Жанка не шутит и действительно хочет, чтобы он ознакомился с этим сугубо личным посланием. Но та энергично закивала головой, и он развернул листок:

«Милый Миша!

Ты произвёл на меня неизгладимое впечатление буквально с первого момента нашей случайной встречи. Твоя мощная фигура и очаровательная улыбка покорили меня. Я очень хотела бы с тобой встретиться после занятий. Приезжай сегодня на Главпочтамт в семь часов.

Жду с нетерпением».

Подписи, естественно, не было. Валера улыбнулся. Миша далеко не красавец, но это как раз вовсе не проблема. Для мужика внешняя красота – не столь важна, как говорится – не главная деталь самолёта. Дело гораздо хуже – Миша – человек странный и, более того, смешной в своей странности. Двигается неуклюже, говорит и смеётся невпопад. Для того чтобы разглядеть, что за этой неказистой внешностью скрывается доброе сердце, требовалось время и, главное, желание. А впечатление после первой встречи если и было неизгладимое, то строго отрицательное. Он явно не тянул на романтического героя. Более того, общага, где живёт Мишка, находится на Юго-Западе, на самой что ни на есть окраине Минска. А почтамт – почти в центре столицы, и чтобы

добраться туда-назад, потребуется часа полтора минимум. Ведь можно было просто сказать – останься после занятий, пообщаемся. «Жестокий развод» – подумал Бродяга. Однако Мишка из тех людей, которые просто созданы для того, чтобы над ними смеялись и подкалывали. И Валера передал бумажку, особо не задумываясь о последствиях. Наконец, лектор завершил обязательную программу и перешёл к произвольной. То есть стал отвечать на дополнительные вопросы. Ведь всегда найдётся идиот или, наоборот, шибко умный, который обязательно задаст дурацкий вопрос.

Наконец, попытка под названием «лекция по истории КПСС» закончилась, а вместе с ней и все мучения на сегодня. Радостные от этой мысли, первокурсники высыпали из учебного корпуса и через поле гурьбой повалили в общагу. Миша не шёл, а парил, словно ангел над грешной землёю. Улыбка, широкая, как первомайский транспарант, не сходила с лица. И вид его (и без того довольно бестолковый) можно было легко описать двумя словами: «придурок жизнерадостный». Что и не замедлил озвучить Толян. Но это нисколько не огорчило Мишу, он был погружён в сладкие грёзы. Счастье, как и положено, свалилось на парня столь неожиданно, что он немного растерялся и не знал, что с ним делать. Наивный и доверчивый, как телёнок, Мишка был на седьмом небе – в него явно влюбилась какая-то замечательная девушка! С другой стороны – первый семестр первого

курса. Домашние задания в медицинском, да ещё на первом курсе – не фунт изюму. Если даже пронесёт и к доске завтра не вызовут, всё равно боязно: а вдруг отстанешь от группы, а там и сессия не за горами... И Мишка, мучаясь сомнениями, решил посоветоваться. Ирония судьбы заключалась в том, что он выбрал для консультации Бродягу, который, как пионер, всегда готов к розыгрышу. «Поезжай! Если женщина просит – мужчина просто обязан!» – тоном, не оставляющим места для сомнений, заявил добрый советник. Миша, обуреваемый противоречивыми чувствами, ещё раз побрился, вылил на себя треть бутылки одеколona и отправился на встречу с таинственной незнакомкой. Встречу, изначально обречённую на фиаско.

Вернулся он мокрый, замёрзший и жалкий. Впрочем, как все одураченные влюблённые. За окном лил, не переставая, холодный октябрьский дождь. Глубоко несчастный путешественник молча снял мокрую куртку и тотчас пошёл к Валере. «Лажа получилась, запахло, можно сказать...», – растерянно сказал Миша и вопросительно посмотрел на Валерку как на ближайшего друга. Именно как на друга. Знакомы они были пару месяцев, и, честно говоря, Валера подкалывал его, так же как и все, если не больше, и близким другом вовсе не считал. Однако Миша, очевидно, имел на этот счёт совершенно иное мнение. В глазах его было столько наивности, недоумения и боли, что казалось, он вот-вот заплачет. Мишка напоминал маленького мальчика, которого жестоко

и, главное, несправедливо наказали. Несколько добрых лет он прозанимался греблей и по габаритам напоминал небольшой самосвал, однако в обычной, повседневной жизни был беспомощен и беззащитен, как черепаха без панциря. Валере стало довольно неудобно. То, что он не предупредил Мишку о розыгрыше, ему не мешало – неписанные законы не позволяли раскрыть чужую игру. Но просто отговорить от поездки он мог. Это было бы в пределах правил... И тогда Бродяга, испытывая лёгкие угрызения совести, как мог утешил Мишу, сказав, что непогода, возможно, испугала хрупкую девушку. В конце концов, не все же, как он, готовы на мученья и страданья ради любви. Мише эта версия сразу понравилась, он подумал и успокоился. На следующий день девчонки подошли к Валере и спросили, ездил ли новоиспечённый Ромео на почту. «Ну, конечно, ездил. Как нет?», – ответил Валера и хотел что-то добавить, но передумал. Вечером после занятий Мишка снова подошёл к Валере и, широко улыбаясь, обнажая крупные редкие зубы, а также дёсны, сказал:

– Опять записку прислала. Ты был прав, её просто мать из дому не выпустила – ветер, дождь... ну, ты понимаешь. Короче, сегодня в семь часов...

– На почтамте? – поинтересовался Валерка.

– На почтамте, – ответил Миша и развёл большими, как вёсла, руками.

– Поедешь? – спросил Валера, хотя был уверен на двести процентов, что ответ будет положительным. Миша радостно

закивал.

– А если тебе такую записку прислали, ты бы не поехал? – удивился он.

– Мне бы не прислали, – уклонился от прямого ответа Валера. Он имел в виду, что не похож на идиота. Но Миша понял это по-своему и по-дружески ободрил:

– Ничего, ещё напишут...

Валера вздохнул и сказал:

– А то оставайся, завтра контрольная по органике... а хочешь, тысячу распишем...

Но чем больше Валера уговаривал, тем больше у Миши крепла уверенность, что ехать непременно надо.

– Представь только, – взволнованно говорил он, – девушка под дождём добирается, ждёт меня, надеется... А я буду в тысячу играть.

– Представляю, – вздохнул Бродяга и добавил: – Ну, вольному воля, на худой конец – проветришься... – и беспомощно развёл руками. Сегодня совесть его была спокойна и мирно спала. Ведь он честно пытался отговорить Мишку от ночного вояжа. Но всё равно, жалко хлопца... Когда через два с половиной часа несчастный влюблённый вошёл к Валере в комнату, тот даже не повернул головы. Миша подождал, потом покашлял, желая привлечь к себе внимание, но увидев, что результат нулевой, глухо сказал:

– Ты снова прав – я таки проветрился.

Он по-прежнему был обижен, но в голосе уже звучали

нотки раздражения и злости.

– Хочешь чаю? Я только что заварил, – миролюбиво спросил Валера. Ему было чистосердечно жаль бедолагу, но помочь он ничем не мог. А говорить про неудавшееся свидание было и вовсе неприятно. Однако друг, как назло, хотел обсудить все возможные причины и варианты, оправдывающие или хотя бы объясняющие неявку любимой на столь важное мероприятие.

– Валер, знаешь, я тут подумал... всё может случиться – может, гости пришли... И мать попросила срочно помочь приготовить стол? Может, она заболела? – с тревогой в голосе осторожно предположил он.

Бродяга посмотрел на Мишку, как на тихо помешанного, и взорвался:

– Да объелась она гнилых груш, сидит сейчас в туалете и лупит тридцать три струи, не считая мелких брызг! Или обострение хронического шлангита! Мишаня, проснись, девочка шутит!

Но тот только грустно покачал большой головой и молча пошёл к выходу.

– Завтра поедешь? – крикнул ему вслед Валера.

– А она напишет? – с надеждой спросил Мишка.

– Она будет писать, пока ты будешь ездить! – заверил Бродяга.

Миша задумался, взгляд его затуманился, и Валера понял, что те картины, которые рисует воображение друга, делают

его жизнь богаче, приносят боль и разочарования, обиду и злость, но и обещают волшебную, романтическую любовь с первого взгляда.

– А знаешь что? – решительно воскликнул Валерка. – Поезжай, обязательно поезжай! – рано или поздно она поймет, что с любовью не шутят.

На следующий день он сам подошёл к подружкам. И сказал:

– Вы представляете, Мишка снова ездил. Но поражает не это. Он ведь даже не знает, кто ему пишет. Однако готов страдать и мучиться. В нём такая огромная и, очевидно, невостребованная потребность любить и быть любимым... Кому-то сильно повезёт, очень романтически настроенный хлопец.

Жанка фыркнула, всем своим видом давая понять, что это не её партия. Таня и Оля последовали её примеру и даже издали похожие звуки, но Валера видел, что сделали они это чисто из солидарности с Жанкой.

В перерыве Миша подошёл к Бродяге и протянул листок.

– Очередная любовная телеграмма? – холодно поинтересовался Валера.

– Да нет, – друг замялся. – Я тут стихи написал... Зацени.

Бродяга с интересом посмотрел на Мишку. Чего-чего, а этого он от него не ожидал...

Стихи довольно казённым языком сообщали о том, как холодно и одиноко влюблённому студенту стоять на почтам-

те, но надежда на встречу с неизвестной, но уже горячо любимой девушкой греет его израненное страданиями сердце. Вариация на тему «Мне в холодной землянке тепло от твоей негасимой любви...», подумал Валера, а вслух сказал:

– Жизненно, много экспрессии... Убьет наповал, даже контрольный выстрел не потребуется... Если дойдёт до адресата...

– В том то и дело, – взволновано сказал Миша. – Я же не знаю, кому передать...

«Надо кончать с этим цирком», – подумал Валера и сказал:

– Очень просто! Приди завтра на лекцию пораньше, чтоб никто не видел, и напиши на доске наш ответ Чемберлену. Кому надо, тот поймёт...

Мишка горячо поблагодарил за конгениальную идею, и на завтра весь курс дружно читал и терялся в догадках, кто этот тайный Ромео, кому предназначено послание и, наконец, за чем предано гласности.

После лекции Миша подошёл к Валере и растерянно сказал:

– Ничего не понимаю – сейчас получил уже две записки, причём написаны разным почерком и обе приглашают на почтайт.

– Ты стремительно набираешь популярность. Но должна быть и третья, – пророчески сказал Бродяга и, как показало

время, не ошибся.

К концу дня в большой, как сковородка, Мишкиной ладони, аккуратно лежали три клочка бумаги. Все три радушно приглашали на свидание и, соответственно, обещали счастье неземное.

– Валер, что делать-то? – жалобно спросил Миша. – Все приглашают в одно время и в одно место...

– Почерк разный?

Миша утвердительно кивнул. «Значит, сейчас девочки приглашают каждая по собственной инициативе, втайне от подруг. Значит, записки настоящие. Ай да Мишка, ай да сукин сын!» – подумал про себя Бродяга и сказал:

– А в чём проблема? Поезжай, если они такие дуры – ни ума, ни фантазии, – организуй среди них небольшой чемпионат по вольной борьбе или боксу. И та, которая выйдет в финал, получит заветный приз...

Но Мише было не до шуток:

– Поехали со мной, – предложил он вдруг неуверенным голосом. – Вдвоём оно как-то веселее...

– Спасибо за приглашение, однако любовь – дело сугубо личное, – категорически отказался Валера, и Мишка остался один на один со своим непростым счастьем.

Наступил вечер. Валера вышел на кухню и поставил на плиту чайник. Расположившись на столе, он болтал ногами, курил и думал о загадочности и непознаваемости женской

души и в результате – о её непредсказуемости. Вдруг в кухню вошёл Миша, его коричневая куртка из кожзаменителя красноречиво говорила о том, что её обладатель только что делал под дождём пешие прогулки без зонтика. Валера посмотрел на часы и спросил:

– Что-то быстро, даже для первого свидания. Ты что, не ездил?..

Миша неторопливо уселся на хлипкий казённый стул, расстегнул куртку и спокойно сказал:

– Почему не ездил. Очень даже ездил.

– Ну?! Не томи! – нетерпеливо воскликнул Валерка.

Миша пригладил мокрые волосы и невозмутимо, словно речь шла не о нём, начал:

– Приехал я, значит, пораньше и спрятался в кабинке для междугородних разговоров...

– Понимаю, – перебил Бродяга, – чтоб была возможность для отступления...

– Ага... Ну, вот... Почти сразу за мной пришла Жанка Голубцова, а Оля Перевозчик и Светка Серова – одновременно, минуты через три. Что они говорили, слышать я, естественно, не мог. Но видно было: сильно удивились неожиданной встрече, потом замахали руками, раскричались – ссорились, наверно. Потом вдруг начали смеяться и ушли...

– Скажи честно, ты не вышел? – догадался Валера.

– Нет, конечно! – сказал Миша, и было ясно, что он полностью уверен в правильности своего решения.

– Но почему?! Неужели ни одна не понравилась? – изумлённо воскликнул Валера.

– Почему не понравилась? Девки – на пять баллов. Ты же знаешь... Да только мне надо что-то попроще... Посмотри на меня и на них...

Бродяга надолго задумался. Резкий контраст между эффектной внешностью девчат и простецким видом Мишки бросался в глаза и вызывал вполне понятное недоумение.

– Но ведь девчата, в отличие от тебя, прекрасно знали, кого приглашают на свидание, – наконец сказал он. – Это их личный, осознанный выбор! Счастье само идёт тебе в руки, а ты...

– Головная боль и большой геморрой, а не счастье, – рассудительно сказал Миша, встал и направился к выходу. На пороге обернулся и недоумённо спросил:

– И что они во мне нашли? – пожал широкими плечами, зацепился за дверной косяк и пошёл к себе в комнату.

– Жалеть потом будешь, Мишка! – крикнул ему вслед Бродяга.

– Не буду! – эхом донеслось из коридора, хлопнула дверь, и стало тихо...

На следующий день Жанка подошла к Бродяге и, смеясь, сказала:

– Ты знаешь, я с подружками, мы... в общем, мы как пули.

– Что, такие быстрые, пулей слетали на почтамт? – с

невинным видом спросил Валера.

– Да нет, такие дуры! А на почтайт слетали – можешь не сомневаться. А Мишка не приехал. Кстати, не знаешь, почему?

– Да приехал, приехал... Только увидел трёх нимф волшебной красоты и испугался...

Валера достал сигарету, закурил и после долгой паузы наконец выдал:

– Счастья своего он испугался... Не поверил. Знаешь, так бывает – человек мечтает о чём-то, ждёт этого, не спит по ночам... и вот долгожданное счастье рядом – только руку протяни... А он вдруг отказывается... Понимаешь?..

– Не-а, – честно призналась Жанка, но увидев разочарованный взгляд Бродяги, добавила: – Да поняла, поняла... Просто я такне думаю...

Но в голосе её неожиданно прозвучали лёгкие, почти незаметные нотки грусти...

Лифчик из Берлина

Наступал новый 1981 год. Одни студенты уезжали домой, другие спешили в город к друзьям или родственникам. Общественные беспорядки хлопало дверями, скрипело половицами и стремительно пустело. Подруги Беллы, соседки по комнате, тоже разъехались кто куда, и она не преминула этим воспользоваться. Заблаговременно сообщила родителям, что экзамен по биохимии выпадает на второе января и она просто физически не может участвовать в семейном празднике. Белла считала себя достаточно взрослой, чтобы наконец отпраздновать новый год самостоятельно, а не в тесном, сжимающем горло кругу семьи. Она встречалась с Бродягой почти два месяца, но жилищно-коммунальные условия не позволяли им уединиться и как следует насладиться общением в более живой и интимной форме. До новогодней ночи – ещё три дня, а Белла уже знала точно, что 31 декабря комната её свободна, и строила далеко идущие, волнующие планы. Вечером Валера пригласил её в кино на последний ряд. «Чёрт, очки забыла!» – расстроилась Белка. «Ты что, кино идёшь смотреть?» – спросил Валера, и она весело засмеялась. Ей нравились немного грубоватые шутки друга.

...После фильма ребята не спеша гуляли по проспекту Майорова, и Белка, как настоящая женщина, начала разговор издали:

– Где ты встречаешь Новый год?

– Не знаю... Знаю, что с тобой, только не знаю, где, – самоуверенно ответил Бродяга.

Девушка продолжала играть в невинное любопытство и спросила:

– А какие у нас варианты?

Хотя на самом деле ей хотелось сказать просто: «Белая ночь. Дамы приглашают кавалеров – встречаем у меня». Но она, в соответствии с воспитанием, полученным в школе и дома, лишь намекнула, что, возможно, подружки разъедутся.

– Отлично! Мечты сбываются! – воскликнул Валера.

– А если они не уедут? – поинтересовалась Белла.

– Что-нибудь придумаем, – беспечно сказал Бродяга, который верил в свою звезду и счастливый случай не менее чем религиозный фанатик. Белла же всегда и во всём сомневалась, поэтому не могла расслабиться и пустить дело на самотёк. Она обо всём заботилась и беспокоилась лично.

Тридцать первого в девять часов с шампанским и цветами Бродяга по-хозяйски постучал в дверь...

– Мы ж договорились в десять? – удивлённо спросила Белла.

– К чему эти условности? Счастливые часов не наблюдают! – сказал Валерка. Он был нетерпелив и начал целоваться, ненавязчиво раздевая подружку, как только переступил порог.

– Давай подождём до Нового года, ещё даже за стол не сажались, – с лёгким упрёком сказала Белла.

– Я, конечно, голодный, но не настолько, – отшутился Валера.

И Белка позволила случиться тому, к чему втайне от самой себя давно стремилась...

Они лежали на Ленкиной кровати, потому что та стояла у окна, и дым от сигареты вытягивало в открытую форточку. Молчали. Наконец Белка не выдержала и спросила:

– О чём ты сейчас думаешь?

Большого опыта половой жизни у Бродяги не было, но по рассказам старших бывалых товарищей он знал, что надо сказать что-то приятное. Как назло, ничего, кроме «Post coitum omnia animalia tristia sunt» («Каждое животное печально после соития»), в голову не пришло. Явно не подходит – мудро решил он и сказал просто:

– О тебе, о тебе думаю.

Тут же, как и следовало ожидать, последовал уточняющий вопрос:

– А что ты обо мне думаешь?

Хочет, чтоб я сказал: «Люблю!», – смекнул Валера. И тут же озвучил свою догадку. Он не врал. Дело в том, что было ему восемнадцать лет, и он не видел тонкой семантической разницы между словами «люблю» и «хочу». В юности, как известно, каждую мгновенную эрекцию принимаешь за веч-

ную любовь. Любая девушка, которая хоть немного симпатична, сразу нравится. А если она не симпатична, но улыбка, то, безусловно, становится симпатичной и нравится тоже.

– Правда, любишь? – не унималась Белка.

– Я тебе справку выпишу! – пошутил Валера, и подружка поняла, что большего не добиться.

Вдруг она посмотрела на часы и удивлённо воскликнула:

– Полдвенадцатого!

Ребята, не стовариваясь, бросились одеваться, чтобы встретить Новый год как положено, за столом и с шампанским. Неожиданно раздался настойчивый стук в дверь. Валера вопросительно посмотрел на подружку – она недоумённо пожала плечами.

– Не открываем, – одними губами сказал Бродяга.

– Дочка, это мы! – слышался женский голос за дверью. Белла широко раскрыла глаза и рот, да так и застыла. Валера чертыхнулся и продолжил одеваться. – Ну, где ты там? Долго мы будем стоять под дверью? – раздался нетерпеливый мужской голос, и Валера понял, что папа тоже здесь.

Белка потуже запахнула халат и обреченно пошла открывать. Перед дверью она постаралась придать лицу радостное и немного удивлённое выражение. Удивление без особых усилий получилось предельно натуральным. А вот радость – так себе... Станиславский бы точно сказал: «Не верю!» Как говорится, над сценическим образом ещё работать и рабо-

тать.

Валера уже успел одеться и даже расправил смятое одеяло. Родители и младшая сестра вошли в комнату и немедленно принялись осматривать местность на предмет прямых и косвенных признаков половой жизни. Однако на первый взгляд ничего подозрительного, кроме Валерки, разумеется, в комнате не нашли. Обнялись, поцеловались, и мама опытной рукой незаметно провела по дочкиной спине. Лифчика не обнаружила, скользнула ниже – трусики явно отсутствовали. Белка осознала, что мамочку обмануть не удалось. В её глазах застыл смертельный ужас человека, висящего над пропастью, на дне которой ожидает голодный тигр. Каждое мгновенье казалось последним. И выхода, увы, не было! Но мудрая женщина сделала знак глазами – дескать, не выдам родную дочь. Это, мол, так – исключительно внутренняя проверка. И как ни в чём не бывало, проворковала:

– Как я рада тебя видеть, Белочка!

Потом повернулась к Валере и сказала как родному:

– Меня зовут Лидия Георгиевна, это – Валентин Егорович, а вот и Маруся – младшенькая наша...

– Это Валера, – сказала дочь и с благодарностью посмотрела на маму. Никогда она ещё не любила её так сильно.

– Мы с Беллой учимся на одном курсе... дружим... Ребята в основном разъехались... Вот мы и решили отпраздновать Новый год вместе, – ненавязчиво объяснил своё присутствие в комнате Валера.

– А что ж вы дверь заперли? – невесело и подозрительно спросил батя.

– Пап, сегодня Новый год! Может, кто выпьет и по ошибке завалит... Мало ли что, – миролюбиво объяснила Белка.

Но папу ответ совершенно не убедил, и он беспокойно рыскал по комнате, словно ищейка, которая сбилась со следа.

– А что кровать не заправлена? – сердито спросил он.

– Это Ленкина кровать! Она вернётся, я сразу спрошу... – дерзко ответила дочь. «Похоже, пронесло», – подумала она и добавила: – Прямо следствие ведут знатоки! Майор Знаменский, прошу к столу. Скоро уж полночь...

Батя, не найдя никаких улик, сел, но взгляд его продолжал блуждать по комнате и на лбу у него было написано крупными буквами: «Я не верю в платоническую любовь», а ниже – чуть помельче: «То, что улик не нашёл, вовсе не значит, что их нет». Лидия Георгиевна тем временем распаковала сумки, и на скромном студенческом столе появились замечательная утка с яблоками, холодец, большая банка салата оливье, солёные грибы, кислая капуста и другие не менее аппетитные вещи. А ещё – литровая бутылка с домашним красным вином и коньяк. Для бати, наверное, догадался Валера. Он вопросительно посмотрел на Белку: оставаться или поздравить и потихоньку свалить? Но Валентин Егорыч опередил дочь и неожиданно гостеприимно сказал:

– Валера, присоединяйся. Ты что пьёшь?

Валера чуть было не выпалил по-пионерски: всё! Но вовремя спохватился и как бы неуверенно пожал плечами.

– Ладно, женщинам – вино, а мы с тобой – коньячку... – довольно дружелюбно сказал Белкин папа.

Выпили и даже успели проводить старый год. Из старого чёрно-белого телевизора ещё более старый Брежнев выдал не прожёванные поздравления советскому народу, а также пожелания здоровья, успехов в труде и личной жизни. Забили куранты, и новогоднее настроение (хоть и с опозданием) пришло к Валентину Егоровичу. Он начал расспрашивать студентов о быте, об учёбе, его интересовало практически всё. Алкоголь расслабил и слегка притупил бдительность, напряжённость исчезла почти полностью. Коньяк подходил к концу. И предусмотрительная маман достала вторую бутылку.

Маруся незаметно покинула стол, улеглась на Ленкину кровать и моментально уснула.

– Долгая дорога, час поздний – ей ещё и десяти нет... Умаялась... – с трогательной теплотой сказала Лидия Георгиевна. – Накрой её, – попросила она мужа.

Маруся спала, не раздеваясь, свесив с кровати маленькие ноги в красных сапожках. Отец наклонился и аккуратно, стараясь не потревожить дочь, снял их. Девочка устроилась прямо на одеяле. Тогда он, чтобы переключившись, случайно не разбудить малышку, решил просто накрыть её сво-

бодным краем одеяла и приподнял его. Жуткое зрелище открылось ему. Из-под одеяла рубиново горел лифчик! Атласный красный лифчик! Он узнал бы эту важную деталь женского гардероба из тысячи похожих, так как лично покупал её по просьбе любимой доченьки, когда был в Берлине этим летом. А вот и трусики... кровь ударила отцу в голову, и с лифчиком, как с боевым знаменем в высоко поднятой руке, он пошёл в атаку.

– Ленкина кровать, говоришь?! Двери закрыли, чтоб гость незванный не забрёл? А незванный гость, между прочим, ехал триста пятьдесят километров, чтоб проведать родную доченьку, которая учится на доктора.

И, очевидно передразнивая жену, добавил, покачивая головой: «Учёба в мединституте такая тяжёлая!», и сплюнул: тьфу!

Белка расплакалась и выскочила из комнаты, хлопнув дверью. Валера – за нею следом. Подружка бежала вниз по лестнице и, очевидно, хотела выскочить на заснеженную улицу прямо в халате. Но Валера догнал, схватил её за плечи, развернул к себе и слегка потряс. Посмотрел ей в глаза и, медленно проговаривая каждое слово, сказал:

– Сейчас я всё улажу.

Она с большим недоверием посмотрела на него. Конечно, Бродяга кому хочешь может зубы заговорить, но папе... Она перестала плакать и обеспокоенно спросила:

– Что ты ему скажешь?

– Пока не знаю. Он у тебя случайно не в полиции нравов работает?

– Почти... Папа – следователь по особо важным делам.

– По убийствам, что ли? – удивился Валера.

– И по убийствам тоже, – подтвердила Белка.

– Как интересно... – воскликнул Валера. – Что ж ты раньше не сказала?

– А мне неинтересно... – Белка всхлипнула, посмотрела на Валеру влюблёнными глазами и спросила: – Что делать-то будем?

Валера взял её за руку.

– Положись на меня... Пошли! Там уже заждались нас, наверное, – сказал он и мягко повлёк её за собой.

Они стали медленно подниматься по лестнице, держась за руки, как дети малые. А двумя этажами выше стояли Белкины родители, смотрели на них, и, очень возможно, им эта картина понравилась.

Когда Бродяга с Белкой вошли в комнату, папа с мамой мирно сидели за столом и сосредоточенно смотрели «Голубой огонёк». Петросян рассказывал древние плоские шутки и корчил противные рожи. Мама не спеша пила вино из большой чайной кружки и краем глаза наблюдала за Белкой. Папа, очевидно с трудом переживший сексуальную революцию собственной дочери, слегка увеличил дозу коньку и, не стесняясь, ел оливье прямо из банки. Лицо его выражало не больше, чем лицо статуи с острова Пасхи. Валера и

Белла молча сели и тоже стали смотреть телевизор. Наконец, мать мягко сказала: «Валик, оставь салат в покое...» Валентин Егорович быстро очнулся и послушно поставил банку на стол. Налил коньяку себе и после небольшой внутренней борьбы – Валере. «За знакомство!» – и опустошил рюмку, не чокаясь. Валера спокойно выпил и закусил грибом. Напряжение росло...

– Ну, что, молодой человек, как думаете жить дальше? – с плохо скрываемым раздражением спросил батя. – Поматросишь и бросишь?

Бродяга посмотрел на него, на Беллу, и она заметила у него в глазах весёлых чертей. Это значит, что у него есть идея или шутка, как обычно – совершенно непредсказуемая. Она любила эти шутки и одновременно боялась.

– Зачем вы так говорите? – обиженным голосом сказал Валера. – Я жениться хочу.

Белка поперхнулась воздухом и перестала дышать, папа открыл рот и, не мигая, смотрел на свежеиспечённого зятя, и только железная маман не потеряла присутствия духа и внимательно наблюдала за развитием событий. Бродяга, воспользовавшись всеобщим замешательством, самостоятельно налил Валентину Егоровичу и себе коньяку по полной рюмке. Лидия Георгиевна мгновенно проглотила оставшееся вино и с готовностью подставила кружку. Белла, как послушная дочь, не задумываясь, последовала примеру мамы. Выпили быстро и охотно, словно сильное обезболивающее лекарство

по острым медицинским показаниям.

– Час от часу не легче... – выдохнул папа, забыв закусить, и пронзительно посмотрел на дочь, тестируя её на беременность.

– Да вот только Белка не согласна... рано, говорит... – пожаловался Валера.

Папа моментально сориентировался на местности, оценил перспективу и внезапно переменял позицию на строго противоположную.

– И правильно говорит! – горячо поддержал он дочь. – Восемнадцать лет – куда жениться...

– А в каком возрасте вы женились, Валентин Егорыч? – вежливо поинтересовался Валера.

– В девятнадцать, и что из... – он хотел продолжить: «... и что из этого вышло?», но вовремя остановился и нашёлся: – И что из этого следует? Время было другое, – сказал уже спокойно и абсолютно миролюбиво.

– Ничего не рано, – вмешалась мать.

И начался обыкновенный застольный разговор, в котором, как обычно, участвует вся семья одновременно, и никто никого особо не слушает. Однако родители успокоились, так как вдруг поняли: Валера не обманывал их дочь, а, наоборот, это больше её выбор, и что если нужно что-то решать, то не срочно, не сегодня, во всяком случае. Только Белка могла по достоинству оценить всю тонкость маневра. И сказала:

– Ну, мы пойдем, прогуляемся, если вы не против...

В коридоре никого не было, и Белла, притянув его к себе, жарко поцеловала, потом, не размыкая объятий, немного отодвинулась, чтобы заглянуть в глаза, и спросила:

– Ну, что, змей коварный, а ты не боишься, что я вдруг соглашусь за тебя замуж?

– Ты же знаешь, я ничего не боюсь, – засмеялся Валера, и Белке очень захотелось верить, что он не шутит.

Malum discordiae

(яблоко раздора, лат.)

Началось всё с ерунды. Впрочем, лавина всегда начинается с камешка. Прозвенел звонок на перерыв, и студенты-первокурсники разбрелись: кто покурить, кто перекусить, а кто – просто постоять да поболтать. Толик достал огромное, просто шикарное яблоко. Налитая антоновка вызывала аппетит даже у сытых. Он уже собирался вонзить в её сочную мякоть зубы, уже чувствовал кисло-сладкий вкус во рту, как раздался голос:

– Дай укусить!

Это был Бродяга, бесцеремонный и простой, что называется, дитя общежития. И тут что-то произошло с Толиком. Вместо того чтобы поделиться, он сказал:

– Счас, помоем!

Поплевал на яблоко, тщательно вытер и протянул Валере. Тот отстранился и отошёл, ничего не сказав. А Толик, уже поняв, что дал маху, решил перевести всё в шутку, засмеялся и сказал:

– Брезгуешь, да?

– Ты бы ещё поссал на него, – беззлобно ответил Валера.

Стали прислушиваться и собираться ребята. Но отступить было некуда, и Толик предпринял ещё одну попытку.

– Да ладно, завтра я тебе принесу такое же, целое. – Тут он заметил, что Бродяга не слушает его, а с кем-то говорит, причём о чём-то совершенно не касающемся происшедшего. Толяну показалось, что сказано было недостаточно громко, и он, преодолевая унижение, повторил:

– Слышь, завтра я...

Бродяга обернулся, посмотрел прямо в глаза и неожиданно добродушно сказал:

– Отстань, – помолчал и добавил: – Обосрался – обтекай.

Если Толик мог бы провалиться сквозь землю, он был бы самым счастливым человеком. Красный, растерянный и злой на самого себя за секундный порыв жадности и за унижительные попытки оправдаться, он стоял, не зная, куда себя деть. И, самое главное, что убивало больше всего, Бродяга не обиделся, как это обычно бывает с друзьями. Он равнодушно вычеркнул его. Толик был здоровый, выше среднего роста парень, значительно сильнее Бродяги. Но в данном конкретном случае чувствовал себя абсолютно беспомощным. Прозвенел спасительный звонок, который напомнил ему гонг, объявляющий конец раунда. А также бой, в котором когда-то был послан в глубокий нокаут. Толик выиграл тот бой. Он всегда выигрывал и в спорте, и в жизни. Тогда гонг спас его. Сейчас – звонок. Со следующего часа он ушёл. Надо было собраться с мыслями. Решил походить по парку, что рядом с институтом. В сотый раз прокручивал в уме этот дурацкий случай и не заметил, как лекция закончилась. Он так ниче-

го и не придумал. Сначала хотел предложить Бродяге пойти на пиво и там поговорить. Но, во-первых, он знал, что тот не пойдёт, а во-вторых – что говорить, когда всё ясно? Надо извиняться – мелькнула мысль. Извиняться? За что? Я кому-то что-то должен? Он! Он виноват! Это он не должен был ничего просить. Пусть теперь не обижается... А он, кстати, и не обижается. И даже не сердится. Вот сука! Мы же ровесники, а я всё время чувствую себя школьником по сравнению с ним. Я сильнее, учусь лучше, и следовательно, умнее. И тут Толик понял, что врёт себе и что надо признать, многие жизненные вопросы, над которыми он бился и искал ответы в книгах, Валера давал экспромтом, не заглядывая никуда. И дело здесь не в уме, а в каком-то особенном подходе к жизни.

Толик устал. Решения не было. Стараясь ни на кого не смотреть, он вернулся в аудиторию и сел на своё место. Снова был перерыв, и снова студенты галдели обо всём и ни о чём. Толику вдруг подумалось, что никто не придаёт значения происшедшему и только он один делает из мухи слона. Так, пожалуй, оно и было... Вот только Бродяга... Почему он не обиделся? А, может, виду не показал? Господи, в чём загвоздка-то? Яблоко... Всего-навсего яблоко... «Ты пожалел, не дал, не поделился», – ворчал внутренний голос. «Ну, это же не хлеб в войну», – чуть не закричал Толик. «Вот-вот, сегодня – яблоко, а завтра – хлеб...» – не уступал голос. Хотелось вырвать этот день, как лист в черновике, и переписать набело.

В этих бесконечных разговорах с самим собой незаметно закончилась лекция. Студенты потянулись к выходу, и вскоре аудитория опустела. Толик остался один на один со своей проблемой. Кто-то вернулся, позвал его, но он отмахнулся, зная, что не готов к общению с кем бы то ни было... Дверь чёрным глазом проёма смотрела на него, и временами, казалось, затягивала в себя. Утратив чувство времени, Толик сидел, погружаясь в какое-то непонятное одурманивающее состояние равнодушия... Неожиданно он вздрогнул, словно от какого-то толчка. «Пора идти...» – подумал он. Встал, собрал вещи и направился к выходу. В дверях неожиданно столкнулся с Валеркой.

– Ты что здесь делаешь? Забыл чего? – хмуро спросил Толик.

Валера посмотрел прямо в глаза, помолчал и без тени улыбки сказал:

– Друга забыл. Пошли?

И протянул руку...

Прелесть английского

Миша Минин опоздал на занятия. Это был первый урок английского на первом курсе. Он пригладил рыжие, торчащие во все стороны волосы, поправил очки и решительно вошёл в класс.

– Good morning! – официально заявил Миша.

– Good morning! – сказала Белянчикова и, с укоризной посмотрев на бестолкового студента, тут же строго спросила: – What is your name?

Вчерашний школьник сильно переживал по поводу неудачного начала новой, столь много обещающей студенческой жизни. И решил хоть как-то исправить неблагоприятное впечатление, которое произвела совершенно не английская пунктуальность.

– Майкл Минин! – без тени улыбки сказал он, даже не подозревая, что с этого момента до конца института все будут звать его исключительно Майкл. Преподавательница не удержалась и, позабыв о том, что намеревалась примерно наказать нарушителя дисциплины, широко улыбнулась.

Английский язык Борис не любил. Не то чтобы он страстно любил остальные предметы, однако английский вызывал у него перманентное чувство отвращения. Боря категорически отказывался понимать, почему эти грязные, вонючие ан-

гласаксы пишут одно, а произносят совершенно другое. Кроме того, многие буквы в словах и вовсе не озвучиваются. И ещё, зачем, спрашивается, столько времён глагола. Вот по-русски, например, прошедшее, настоящее и будущее, и всем хватает, до сих пор ещё никто не жаловался. Тьма-тьмущая каких-то дурацких правил и, что гораздо хуже, – гораздо больше исключений. На свою беду, Боря попал в группу студентов, продолжающих изучать английский. И все они, без исключения, знали ненавистный язык лучше, чем он. Этот факт неприятно раздражал и даже заставлял задуматься о какой-то неизвестной медицине мозговой патологии, при которой развивается полное отторжение английского языка. Преподавательница давно утратила надежду на то, что сумеет научить Борю хоть чему-нибудь, и откровенно махнула на него рукой. Поэтому Борис окопался за последним столом, читал газеты, спал и терпеливо ждал, когда наконец закончится первый курс и вместе с ним столь ненавистный английский. По иронии судьбы, рядом с ним сидел Майкл. И если Боря был глухонемым в английском, то Майкл владел им на уровне родного. Он свободно читал, говорил и даже пел на нём. Преподавательница никогда не спрашивала у него домашнее задание – зачем тратить драгоценное время? И так ясно, что Минин язык знает. В отличие от Бори, Майкл не разгадывал газетные кроссворды, а читал «Театр» Моэма в подлиннике.

Борис с детства знал, что завидовать нехорошо, поэтому

искренне старался не замечать Мишкиных успехов. Однако потихоньку у него сформировался стойкий комплекс неполноценности.

Однажды Белянчикова попросила Борю к доске. Он, как обычно, молча стоял и хмуро смотрел в окно, ожидая, когда глупая наставница наконец осознает свою ошибку и вызовет кого-нибудь другого. Потому что спрашивать у Бори английский, всё равно, что у слепого – дорогу. Дело совершенно безнадежное и бесполезное. Обычно терпеливая Белянчикова вдруг не выдержала и рубанула с плеча нелицеприятную правду-матку:

– Никогда вы не узнаете прелести английского языка! – возмущённая его равнодушием кричала наставница. «Как? – удивлённо подумал Борис. – В английском есть какая-то скрытая прелесть?» Этот факт вообще убил парня. А жестокосердная Белянчикова безжалостно продолжала:

– Для тебя закрыт путь в замечательный мир англоязычной культуры. Подумай только – четверть населения земного шара говорит и творит на английском...

Она ещё долго говорила о фантастических преимуществах английского языка... Но Боря уже отключился, чтобы зря не расстраиваться и не разрушать бесценные нервные клетки.

Однако если прежде сильный контраст между Майклом и Борей в знании языка вызывал лёгкое раздражение, то те-

перь стал просто выводить из себя. Как и все нормальные люди, в создавшемся положении Борис винил не себя, а других. Он возненавидел Майкла врождённой, той дремлющей в генах ненавистью неудачника к счастливицу, которая, как правило, обеспечивает стойкое ощущение себя как человека третьего сорта. Неизвестно, сколько продолжался бы этот пожар на торфяном болоте, если бы однажды Боря не стал случайным свидетелем одного разговора. Белянчикова остановила Минина и спросила:

– How are you, Michael?

– Same shit, just the depth that varies (То же самое дерьмо, только глубина разная), – с вежливой улыбкой ответил Минин.

Улыбнувшись, наставница в свою очередь рассказала что-то такое, что рассмешило Мишку. И они разошлись.

– Что ты ей сказал, что она заржала, как кобыла, – с нескрываемой неприязнью полюбопытствовал Боря.

И Майкл, не мудрствуя лукаво, охотно объяснил. Изумлению Бори не было предела. Он никогда не задумывался, что на английском можно шутить, нормально общаться, ругаться, наконец. Борис искренне верил, что английский создан для того, чтобы мучить студентов текстами, типа «Диалог в аптеке» или «Визит к узкому специалисту».

– Да ты что, а ну повтори! – воскликнул Боря.

Майкл пожал плечами и повторил.

– Класс! – сказал Боря и восхищённо протянул: – Same

shit, just the depth that varies.

Фраза улеглась в мозг, как кошка на диване, удобно и легко, словно жила там годами. И тут Борька осознал, что сделал это абсолютно без усилий, не переводя и не зазубривая каждое слово. Поражённый чудесным открытием, он спросил:

– А она-то чего тебе рассказала?

Майкл замялся:

– По-русски это звучит слишком грубо...

– Я хочу грубо! Я люблю грубо, – чуть не закричал Борька.

Тогда Майкл отвёл друга в сторону и, оглядываясь по сторонам, рассказал довольно пошлый анекдот. Это была древняя бородатая шутка, поэтому Боря, узнав несколько слов, перевёл её сам, почти без помощи Майкла. Восторгу не было предела. Боря смеялся не потому, что анекдот был смешон. Это был торжествующий смех счастья от понимания неприступного и ненавистного иностранного языка. Это был прорыв, маленькая брешь в стене, которая давала надежду на покорение заколдованной английской крепости.

– Вот! Вот с чего надо начинать! А то... – волна возмущения захлестнула его, он долго не мог найти подходящие слова, чтобы выразить своё негодование.

После этого случая Боря погрузился в глубокие раздумья. А вечером он пришёл к Мишке и просительно сказал:

– Мишаня, помоги мне с английским. Не с уроками. А как сегодня – шутки, анекдоты там... разные...

И Майкл, добрая душа, без колебаний согласился.

Незаметно прошёл месяц, другой. Белянчикова, утратив надежду, больше не трогала Борю. Лишь однажды вскользь заметила: «Борис, учите тексты. Может, прорвётесь».

Боря не ответил. Даже не обиделся. Он готовил реванш, но никто, даже Майкл, не знал об этом.

К подготовке экзамена Борис подошёл серьезней, чем элитный спортсмен – к олимпийским играм. Он просыпался и засыпал с мыслью об английском. При каждом удобном случае доставал учебный текст или словарик. Никогда и никакой предмет он не учил так упорно, но странное дело – теперь получал удовольствие. Английский стал по-настоящему интересен. У Борьки действительно получалось, страх поражения исчез, и парень радовался каждому новому слову и выражению, как начинающий грибник радуется боровику.

Прошло почти полгода, и наступил день экзамена. Однако теперь для Бори это был не просто экзамен по иностранному языку. Это была проверка характера на прочность. Это была борьба за право уважать самого себя.

– Прошу... – без особого энтузиазма сказала Белянчикова.

Она приготовилась к самому худшему. Борис между тем взял билет и быстро пробежал его глазами. Потом молча сел напротив преподавательницы.

– Вы хотите отвечать без подготовки? – удивилась наставница.

– Это лишнее, – спокойно ответил Боря.

Белянчикова, тяжело вздохнув, недоумённо пожала плечами. Она поняла это заявление по-своему: «Дескать, чего там готовиться – всё равно ничего не знаю...»

А Борис, не обращая внимания на обречённое выражение лица наставницы, зачитал первый вопрос и начал отвечать. Студенты, которые в это время напряжённо готовились, побросали ручки и настороженно прислушались. Они удивлённо переглядывались, откровенно не понимая, что происходит. Боря говорил по-английски! Действительно, говорил. Спокойно и уверенно. Было видно невооружённым глазом, что это не просто зазубренный текст, а живой рассказ. Белянчикова растерянно хлопала глазами, ей, наверное, казалось, что она бредит. Наконец, она не выдержала и спросила:

– Денисов, что случилось? Как вам это удалось?

Борис наслаждался триумфом. Он ждал этого часа долгими ночами, сидя в читалке, когда спали даже матёрые зубрилки и проклятые отличники. Сначала Борька хотел рассказать, что на самом деле послужило толчком к этому невероятному успеху. Но потом решил: пусть это останется его маленькой тайной. И скромно сказал:

– Хотел вас удивить...

Что, в принципе, было правдой. Ибо, как известно, нет большего удовольствия, чем сделать то, чего, по мнению дру-

гих, ты сделать не можешь...

После экзамена Борис, естественно, решил отблагодарить Мишку. В бывшем Союзе существовал единственный способ выражения глубокой благодарности – алкоголь во всех его проявлениях. Но зная, что Майкл практически не пьёт, Боря оказался в безвыходном положении. В конце концов, он купил в «Академкниге» три тома рассказов О. Генри на английском языке. А также пару бутылок вина – на всякий случай.

Майкл растрогался: оказалось, что это его любимый автор. На радостях он даже согласился выпить.

Ребята сидели в пустой читалке, пили винцо с копчёным колбасным сыром и рассуждали на тему иностранных языков.

– Чего ты заиклился на этом английском? – искренне возмущался Боря. – Ты ж его лучше училки знаешь. Двигай дальше! Европейские языки – они же все на базе латыни. Тебе не трудно будет... А потом можно и для экзотики что-нибудь подучить – скажем, японский или китайский. Я вот ещё годик повоюю с английским и к итальянскому приступлю...

Майкл удивлённо качал головой, но соглашался. Потом обсудили вопрос призвания вообще и своего, в частности. В результате пришли к неожиданному выводу: надо было всё-

таким образом поступать в иную.

– Положение критическое, – заметил Боря. – Что будем делать?

В конце концов, друзья решили не превращать жизнь в трагедию и продолжить обучение в скучном медицинском институте. А языки пусть останутся отдушиной... Вино подошло к концу... Было далеко за полночь. И ребята, согреваемые грандиозными планами и радужными надеждами, пошли спать, обещая друг другу непременно стать полиглотами.

«Не корысти ради, в токмо волею пославшей мя жены...»

Шурка Рудаков, для друзей просто Рудак, а для недругов – и вовсе чудак на букву «М», с треском завалил зачёт по латыни. И беда не в том, что не сдал с первого раза. С кем не бывает, а в том, что даже не представляет, как к проклятому зачёту подступиться. Латынь была той заколдованной крепостью, которую он не мог взять ни стремительным штурмом, ни долгой осадой. Преподавательница Васильева Леся Ивановна – женщина дородная и, как большинство полных людей, добродушная и вполне миролюбивая. Но только до тех пор, пока кто-то не начинал путать священные падежные окончания пяти латинских склонений. Тогда она чувствовала, что её великая любовь к латыни оскверняется неофитами и профанами, и зверела, ну просто как гладиатор на арене Колизея.

Вся группа уже сдала латынь неделю назад и мирно готовилась к сессии. И только Шура по-прежнему приобщался к истории латиноговорящего мира и мужественно штудировал древние пословицы и поговорки. Но чем больше он учил, тем яснее понимал, что запомнить всё это не сможет никогда. Что может быть ужаснее утраченной надежды?.. Шура сидел, тупо уставившись в обшарпанную стену общаги, и в

его воспалённом воображении живо рисовались картины в стиле Страшного суда... Провал на зачёте, ещё провал. «Под трибунал пойдёшь!» – кричит декан голосом Папанова. Господи, приснится же такая гадость!.. Шура поднял голову и увидел соседа по общежитию, Бродягу, который по-хозяйски, как у себя дома, отрезал полбулки хлеба и уже собирался отхватить здоровенный кусок докторской колбасы. Тут Шурка проснулся окончательно и укоризненно заметил:

– Ты бы хоть разрешения спросил...

– Так ты же спал... – удивился Бродяга. – Сон дело святое.

А во-вторых, ты что – против?

Шура шумно вздохнул:

– Нет, конечно... не против. – И тут он снова вспомнил о не сданном и висящем над ним, словно родовое проклятье, зачёте.

– Что с латынью-то делать? – вопрос не был обращён лично к Бродяге и сказан был просто так, в окружающее пространство, как крик души и глас вопиющего в пустыне...

Однако Бродяга – человек конкретный. Обернулся, будучи уже в дверях, и неожиданно спросил:

– Хочешь, я с училкой поговорю?

– И что ты ей скажешь? – удивлённо спросил Шурка.

Действительно, предложение звучало довольно необычно.

Как правило, за студента может попросить декан, куратор, физрук, наконец...

– Ну... что ты учишь, стараешься, да только языки тебе

трудно даются... – не задумываясь, ответил Валера. – Она как бы сжалится над тобой...

– То есть что, я тупой? – обиделся Шура.

– Если ты действительно умный, то корона с тебя не свалится, когда один раз тебя тупым назовут. А если и впрямь дурак – так сиди и учись!

«Наука сокращает нам опыт быстротекущей жизни», – огрызнулся Валерка. Он ушел, не закрыв дверь, не поблагодарив за еду и даже не попрощавшись. А Шура остался один на один с не решаемой проблемой. После интенсивной, но непродолжительной внутренней борьбы Шура добровольно пошёл к Валере и сделал официальный запрос на проведение операции под кодовым названием «*lingua latina non penis canina*», что в переводе на русский буквально означает: «латинский язык – не хер собачий!»

Хотя какая это, к чёрту, операция. Элементарная двухходовая комбинация, простая домашняя заготовка. Риск, можно сказать, нулевой. Так как Бродяга латынь уже сдал, причём Лесе Ивановне лично, то, с её точки зрения, мединститут благополучно окончил. И на почве древнего языка их пути уже никогда не пересекутся. А насчёт Шурки Валерка скажет, что визит этот – его личная инициатива, о которой Шура не знает, и не дай бог узнает. Потому что это подорвёт его веру в себя – с одной стороны. С другой – выработает вредную привычку искать обходные пути вместо того, чтобы ту-

по (т. е. честно) учиться. В самом худшем случае Леся Ивановна не проявит чуткости и глубокого понимания сложной студенческой души, и тогда Рудак продолжит углублённое изучение покойного языка...

Короче, заходит Бродяга в кабинет наставницы и бодро говорит:

– *Rax tescim, Леся Ивановна! (Мир тебе! – лат.)*

Леся Ивановна легко узнала собственного ученика.

– Здравствуйте... – сказала она и насторожилась. Несмотря на то что латынь Валера сдал и сдал хорошо, она за год знакомства с ним усвоила: с этим парнем расслабляться не рекомендуется.

Он обернулся и крикнул, якобы обращаясь к кому-то в коридоре:

– *Recedite, plebes! Gero rem imperialem! (Прочь, плебеи! Я по императорскому делу! – лат.)*

Лицо Васильевой тотчас приняло счастливое выражение. Дело в том, что эта фраза не входила в необходимый лексический минимум будущего врача. Следовательно, студент выучил её по собственной инициативе и, надо полагать, беззаветно любит латынь, так же, как и она. Что, впрочем, полностью соответствовало истине.

– Садитесь, Валерий... – милостиво сказала она. – Что привело вас ко мне?

Бродяга уселся и, сделав серьёзное и слегка печальное лицо, доверительно поведал простодушной наставнице траги-

ческую историю о бедном студенте, которому не даются даже живые языки, не то что мёртвые. О том, как несчастный Шура Рудаков старается и учит ночи напролёт, грубо нарушая режим сна и отдыха. Как мучительно переживает неудачи, и, может быть, если, конечно, это возможно, Леся Ивановна слегка прикроет строгое недремлющее око справедливости и подпишет Шуре зачёт.

– Учит, говорите, ночи напролёт? – с большим сомнением в голосе спросила Васильева.

Валерка усердно закивал и добавил специально выученную для этого случая поговорку: *Amat Victoria curam* (Победа любит старание, – лат.) и *Amicus certus in re incerta cernitur* (Верный друг познается в беде, – лат.).

– Вы настоящий друг! – воскликнула Леся Ивановна с чувством, и стало ясно – дело сделано...

Тогда Бродяга первый раз понял, как легко и, главное, приятно просить за кого-то другого. «Поставьте, пожалуйста, троечку, ну что вам, жалко...» – это звучит гадко и унижительно, если просишь для себя. Совсем другое дело, если просишь за друга. Ты вдруг становишься благодетелем, Робин Гудом и Дон Кихотом одновременно. Преподаватель, видя искреннее желание помочь, тоже загорается и искренне желает проявить благородство. В общем, Валерке понравилось.

Следующий случай не заставил себя ждать. У Феди Крав-

ца, или просто Федоса не шёл немецкий язык. Ну, то есть вообще. Он учил, правда – учил. Но то ли потому, что искренне ненавидел этот язык, то ли действительно не давался он ему, а только Федос уже дошёл до ручки. Забросив все предметы, кроме немецкого, разумеется, безуспешно учил тексты наизусть. И он таки с горем пополам выучил их. Однако если перебить его (а преподавательница – вот зараза! – всегда перебивала, исправляя какие-то мелкие, не принципиальные ошибки), то Федос тотчас сбивался и терял нить повествования. Поэтому отвечал он быстро, стараясь сказать как можно больше, прежде чем педантичная наставница остановит его. От волнения и спешки он делал те злополучные ошибки, которых так мучительно старался избежать... Как говорится, *Circulus vitiosus* (заколдованный круг) – неразрешимая проблема.

На этот раз Бродяга решил не оригинальничать и действовать по проверенной и хорошо зарекомендовавшей себя латинской схеме. Только слегка подредактировал название операции: «*lingva germanica – non penis canina*» (немецкий язык – не хер собачий! – лат).

– Главное, – сказал, волнуясь Федос, – чтоб она тебя сразу не выгнала. – Помолчал и с невольным уважением в голосе добавил: – Суровая баба, понимаешь...

– Не выгонит! – уверенно ответил Бродяга. – Я подготовился. – Потом постучал и вошёл в кабинет, не дожидаясь разрешения.

– Guten morgen! – сказал он и притворил дверь.

Шендерова, завкафедры иностранных языков, с открытым недоумением рассматривала незнакомца.

– Простите, вы мой студент? – наконец спросила она.

– Нет, я изучал английский и успешно сдал экзамен, – сказал Валера и замолчал.

Дело в том, что если бы он сразу перешёл к делу, она могла бы и отказать, а то и вовсе не стала бы слушать. Ведь они совершенно незнакомы. Необходимо немного пообщаться, чтобы потихоньку, незаметно войти в доверие.

– Чем обязана? – холодно спросила Шендерова.

– Даже не знаю, с чего начать, – продолжал тянуть резину Валера, тактично давая понять, что ей всё-таки придётся его выслушать.

Шендерова обреченно вздохнула, отложила журнал и сказала:

– Начните с начала.

– У меня есть друг, сосед по комнате, и он систематически мешает мне заниматься.

– Простите... А я-то тут при чём? – брови у Генриетты Филимоновны поползли на лоб и там остались.

– А при том, что он учит целый год один немецкий! Причём вслух учит. С одной стороны, я, конечно, понимаю, как важно для врача знать иностранный язык... – Бродяга сделал долгую паузу, которая должна была подчеркнуть высказанную мысль, и продолжил: – Но мы же с вами взрослые люди и

прекрасно знаем, что наш общий друг немцев если и увидит, то только в кино. Фёдор запустил все остальные предметы, не ездит домой даже на каникулы, – Валера наклонился через стол и громким шёпотом по секрету добавил: – В туалет со словарём ходит!

Наконец, Шендерова улыбнулась. «Ну, слава богу, – подумал Валерка. – А то и правда – ледяная баба какая-то, монстр во плоти». И добавил:

– Ich bin sehr, sehr krank, Ich gehe in eine Apotheke... (Я очень и очень болен, я иду в аптеку, нем.) – даже мне в голову залезло!

– Ну, ладно, пусть заходит, – миролюбиво сказала Шендерова.

Валера внимательно посмотрел ей в глаза и сказал со всей убеждённостью, на которую был способен:

– Я вас умоляю... Не стоит рисковать. – И протянул зачётку. Наставница вздохнула и жалобно посмотрела на Бродягу. Видно было, что всё это идёт вразрез с принципами и нормами, согласно которым она благополучно прожила предыдущие пятьдесят лет.

– Ich liebe dich, mein Herz (Я вас люблю, моё сердце, нем.), – заискивающе сказал Валерка заранее отрепетированную фразу.

Шендерова обречённо улыбнулась, поставила автограф и сказала:

– Я вижу, вам нравится немецкий язык?

Валерка не хотел расстраивать наставницу и уверенно сказал:

– Natürlich! (Ну, конечно! – буквально: в натуре, нем.).
Она засмеялась в знак того, что поняла шутку...

Бог, как известно, любит троицу, и через пару лет Бродяга снова выступил в роли посредника-благодетеля.

...Тройку по физике он просил для Светки. Узнав домашний адрес Маковской, именно к ней нужно было идти на передачу, с большим букетом роз в единственном, но всё ещё парадном костюме Бродяга позвонил в дверь. Открыла удивлённая Галина Борисовна собственной персоной. Она, разумеется, узнала бывшего студента, который давным-давно сдал экзамен, потому причина внезапного визита, мягко говоря, озадачила её. Валера постелил газетку и, упав на колени, взмолился:

– Государыня! Не вели казнить, вели слово молвить, не корысти ради, а токмо волею пославшей мя жены...

У Маковской – стопроцентное чувство юмора. Она принялась поднимать парня с колен, но так хохотала, что ей не удалось бы поднять и десяти копеек. Тогда Бродяга встал сам. Не переставая смеяться, она жестом пригласила пройти в дом. Угостила чаем с абрикосовым вареньем и, не дождавшись, что Валера хоть как-то объяснит цель своего внезапного визита, в конце концов не выдержала и спросила:

– Ну, так всё-таки, что стряслось?

Так как Галина Борисовна была очень хорошим и понимающим человеком, то Валера без обиняков перешёл к делу и изложил свою необычную просьбу.

– Я вам, конечно, помогу, – сказала наставница. – Но вы рискуете испортить девочке характер. Вот вы её приучите – она станет лентяйкой. И вы же с нею и наплачетесь.

Бродяга вздохнул... Объяснять, что не собирается со Светкой плакать, а только веселиться – было, прямо скажем, неуместно. Он молча теребил край скатерти, пока Маковская наконец не спросила:

– Когда у неё пересдача?

Оставшаяся часть визита носила чисто деловой, официальный характер. Валера назвал фамилию Светки, номер группы, поблагодарил и откланялся.

Он спускался по лестнице и мучительно думал: «Что же мне мешает радоваться жизни?» И не то чтобы совесть мучила. Как раз нет. Вряд ли это была совесть. Но какой-то необъяснимый неприятный осадок всё же остался... Вроде помог человеку, и никто от этого не пострадал... И всё-таки. На душе было явно не хорошо. Наглые, противные кошки скребли и гадили там... И хотя Валера так и не смог понять, что же он сделал неверно, твёрдо решил: больше никогда и ни за кого просить не будет... Пройдут годы, пока он сумеет разобраться в себе и осознать, что мешала ему ложь. Пусть она рядится в одежды шуток или помощи кому-либо – она

всё равно остаётся ложью... И всё его естество противилось обману, чисто инстинктивно чувствуя, что ложь – основа зла и зло по сути.

Лотерейный билет по физике

Закончился первый курс, и Бродяга, успешно сдав летнюю сессию, приехал домой на побывку. Примерно между второй и третьей рюмкой отец любопытствовал:

– Какие предметы сдавал?

Дело в том, что Валера учился в том же институте, который когда-то окончил отец, и ему было приятно вспомнить студенческие годы.

– Физику, аналитическую химию... – бодро начал перечислять Валерка.

– Ну и что ты получил по физике? – нетерпеливо перебил отец.

– Пять баллов, как с куста! – гордо объявил сын.

Батяка начал глубокое погружение в воспоминания. При этом он тут же озвучил их:

– Я тоже в своё время сдал физику на пять. Но у нас был профессор Горский. Серьёзный старик. Он ещё учебник написал... Так вот, пройти деда было крайне трудно, а уж сдать на «отлично» – и говорить нечего. Сидит, почти не слушает, иногда даже кажется – спит, потом вдруг задаст пару вопросов, что называется, «на засыпку»... И скажет: «ваша схема заработает осенью...» Но я знал и любил физику... Пока папа предавался ностальгическим воспоминаниям, Валера быстро сбегал в спальню, принёс зачётку и, развернув, по-

ложил перед отцом. Там твёрдым крупным почерком было выведено «отлично» и рядом подпись: Горский. Отец с удивлением протянул:

– Жив ещё аксакал науки...

Потом ещё раз, словно не веря собственным глазам, внимательно изучил зачётную книжку. Убедившись, что это не оптическая иллюзия, он уважительно посмотрел на сына и пожал ему руку.

А было так... В отличие от отца, физику Бродяга не любил с детства. Механику, оптику – ещё терпел с горем пополам. А уж электричество, да поля магнитные – те сразу вызывали стойкий рвотный рефлекс и лёгкую головную боль. Преподавала физику Галина Борисовна Маковская. Милейшая женщина с великолепным чувством юмора. Симпатизируя Валере, она относилась к его пропускам занятий довольно лояльно и не мучила напрасными вопросами в течение учебного года. В результате к экзамену он подошёл со слабыми воспоминаниями о школьном курсе физике и не более того. Опыта сдачи экзаменов практически не было – за плечами всего-то одна зимняя сессия. Пришлось обратиться за консультацией к ребятам со старшего курса. Вариантов, надо сказать, было предложено немало. Но все они сводились к одному: придумать какую-нибудь слезоточивую историю, разжалобить строгого экзаменатора и выпросить троечку. Однако Бродяга только оканчивал первый курс и ещё нигде не под-

рабатывал, поэтому непременно хотелось получить стипендию. Опытные друзья-наставники дружно пожали плечами и, стыдясь собственных слов, предложили: может, попробуй учить. Не вариант – решил Валерка, поблагодарил за участие и пошёл к себе в комнату – думать дальше. Сел на подоконник, закурил и был уже действительно близок к мысли почитать физику. И вдруг: «Эврика!» Он вспомнил, что на кафедре работают молодые лаборантки. Вот кто должен протянуть ему руку помощи! А именно – подложить нужный билетик. Можно, конечно, и пролететь. Например, в последний момент лаборантка забоится и передумает. Или кто-то опередит и случайно вытянет заветный, счастливый билет. Может, в конце концов попадётся родственница Павла Морозова и просто заложит. Однако выучить только один-единственный билет и получить стипендию – невероятно соблазнительно. Риск – благородное дело! – решил Бродяга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.